

Сочельник / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Сочельник / новелла СОЧЕЛЬНИК

Уже не помню точно, в каком это было году. Целый месяц я охотился с увлечением, с дикою радостью, с тем пылом, который вносишь в новые страсти.

Я жил в Нормандии, у одного холостого родственника, Жюля де Банневиль, в его родовом замке, наедине с ним, с его служанкой, лакеем и сторожем. Ветхое, окруженное стонущими елями здание в центре длинных дубовых аллей, по которым носился ветер; замок казался давно покинутым. В коридоре, где ветер гулял, как в аллеях парка, висели портреты всех тех людей, которые некогда церемонно принимали благородных соседей в этих комнатах, ныне запертых и заставленных одною старинной мебелью.

Что касается нас, то мы просто сбежали в кухню, где только и можно было жить, в огромную кухню, темные закоулки которой освещались, лишь когда в огромный камин подбрасывали новую охапку дров. Каждый вечер мы сладко дремали у камина, перед которым дымились наши промокшие сапоги, а свернувшись кольцом у наших ног охотничьи собаки лаяли во сне, снова видя охоту; затем мы поднимались наверх в нашу комнату.

То была единственная комната, все стены и потолок которой были из-за мышей тщательно оштукатурены. Но, выбеленная известью, она оставалась голой, и по стенам ее висели лишь ружья, арапники и охотничьи рога; стуча зубами от холода, мы забирались в постели, стоявшие по обе стороны этого сибирского жилища.

На расстоянии одного лье от замка отвесный берег обрывался в море; от мощного дыхания океана днем и ночью стонали высокие согнутые деревья, как бы с плачем скрипели крыши и флюгера, и трещало все почтенное здание, наполняясь ветром сквозь поредевшие черепицы, сквозь широкие, как пропасть, камин, сквозь не закрывавшиеся больше окна.

В тот день стоял ужасный мороз. Наступил вечер. Мы собирались усесться за стол перед высоким камином, где на ярком огне жарилась заячья спинка и две куропатки, издававшие вкусный запах.

Мой кузен поднял голову.

– Не жарко будет сегодня спать, – сказал он.

Я равнодушно ответил:

– Да, но зато завтра утром на прудах будут утки. Служанка, накрывавшая на одном конце стола нам, а на другом – слугам, спросила:

– Знают ли господа, что сегодня сочельник?

Разумеется, мы не знали, потому что почти никогда не заглядывали в календарь. Товарищ мой сказал:

– Значит, сегодня будет ночная месса. Так вот почему весь день звонили!

Служанка отвечала:

– И да и нет, сударь; звонили также потому, что умер дядя Фурнель.

Дядя Фурнель, старый пастух, был местной знаменитостью. Ему исполнилось девяносто шесть лет от роду, и он никогда не хворал до того самого времени, когда месяц тому назад простудился, свалившись темной ночью в болото. На другой день он слег и с тех пор уже находился при смерти.

Кузен обратился ко мне:

– Если хочешь, пойдем сейчас навестим этих бедных людей.

Он разумел семью старика – его пятидесятивосьмилетнего внука и пятидесятисемилетнюю жену внука. Промежуточное поколение давно уже умерло. Они ютились в жалкой лачуге, при въезде в деревню, направо.

Не знаю почему, но мысль о рождестве в этой глуши расположила нас к болтовне. Мы наперебой рассказывали друг другу всякие истории о прежних сочельниках, о наших приключениях в эту безумную ночь, о былых успехах у женщин и о пробуждениях на следующий день – пробуждениях вдвоем, сопровождавшихся удивлением по сему поводу и рискованными неожиданностями.

Таким образом, обед наш затянулся. Покончив с ним, мы выкурили множество трубок и, охваченные веселостью отшельников, веселой

общительностью, внезапно возникающей между двумя закадычными друзьями, продолжали без умолку говорить, перебирая в беседе самые задушевные воспоминания, которыми делятся в часы такой близости.

Служанка, давно уже оставившая нас, появилась снова:

– Сударь, я ухожу на мессу.

– Уже?

– Четверть двенадцатого.

– Не пойти ли нам в церковь? – спросил Жюль. – Рождественская месса очень любопытна в деревне.

Я согласился, и мы отправились, закутавшись в меховые охотничьи куртки.

Сильный мороз колот лицо, и от него слезились глаза. Воздух был такой студеной, что перехватывало дыхание и пересыхало в горле. Глубокое, ясное и суровое небо было усеяно звездами, они словно побледнели от мороза и мерцали не как огоньки, а словно сверкающие льдинки, словно блестящие хрусталики. Вдали, по звонкой, сухой и гулкой, как медь, земле звенели крестьянские сабо, а кругом повсюду звякали маленькие деревенские колокола, посылая свои жидкие и словно тоже зябкие звуки в стынувший простор ночи.

В деревне не спали. Пели петухи, обманутые всеми этими звуками, а проходя мимо хлебов, можно было слышать, как шевелились животные, разбуженные этим гулом жизни.

Приближаясь к деревне, Жюль вспомнил о Фурнелях.

– Вот их лачуга. – сказал он, – войдем!

Он стучал долго, но напрасно. Наконец нас увидела соседка, вышедшая из дому, чтобы идти в церковь.

– Они пошли к заутрене, господа, помолиться за старика.

– Так мы увидим их при выходе из церкви, – сказал мне Жюль.

Заходящая луна серпом выделялась на краю горизонта среди бесконечной россыпи сверкающих зерен, с маху брошенных в пространство. А по черной равнине двигались дрожащие огоньки, направляясь отовсюду к без умолку звонившей остроконечной колокольне. По фермам, обсаженным деревьями, по темным долинам – всюду мелькали эти огоньки, почти задевая землю. То были фонари из коровьего рога. С ними шли крестьяне впереди своих

жен, одетых в белые чепцы и в широкие черные накидки, в сопровождении проснувшихся ребят, которые держали их за руки. Сквозь открытую дверь церкви виднелся освещенный амвон. Гирлянда дешевых свечей освещала середину церкви, а в левом ее приделе пухлый восковой младенец Иисус, лежа на настоящей соломе, среди еловых ветвей, выставял напоказ свою розовую, жеманную наготу.

Служба началась. Крестьяне, склонив головы, и женщины, стоя на коленях, молились. Эти простые люди, поднявшись в холодную ночь, растроганно глядели на грубо раскрашенное изображение и складывали руки, с наивной робостью взирая на убогую роскошь этого детского представления.

Холодный воздух колебал пламя свечей. Жюль сказал мне:

– Выйдем отсюда! На дворе все-таки лучше.

Направившись домой по пустынной дороге, пока коленопреклоненные крестьяне набожно дрожали в церкви, мы снова предались своим воспоминаниям и говорили так долго, что служба уже окончилась, когда мы пришли обратно в деревню.

Тоненькая полоска света тянулась из-под двери Фурнелей.

– Они бодрствуют над покойником, – сказал мой кузен. – Зайдем же наконец к этим беднякам, это порадует их.

В очаге догорало несколько головешек. Темная комната, засаленные стены которой лоснились, а балки, источенные червями, почернели от времени, была полна удушливого запаха жареной кровяной колбасы. На большом столе, из-под которого, подобно огромному животу, выпячивался хлебный ларь, горела свеча в витом железном подсвечнике; едкий дым от нагоревшего грибом фитиля поднимался к потолку. Фурнели, муж и жена, разговлялись наедине.

Угрюмые, с удрученным видом и отупелыми крестьянскими лицами, они сосредоточенно ели, не произнося ни слова. На единственной тарелке, стоявшей между ними, лежал большой кусок кровяной колбасы, распространяя зловонный пар. Время от времени концом ножа они отрезали от нее кружок, клали его на хлеб и принимались медленно жевать.

Когда стакан мужа пустел, жена брала кувшин и наполняла его сидром.

При нашем появлении они встали, усадили нас, предложили «последовать их примеру», а после нашего отказа снова принялись за еду.

Помолчав несколько минут, мой кузен спросил:

– Так, значит, Антим, дед ваш, умер?

– Да, сударь, только что кончился.

Молчание возобновилось. Жена из вежливости сняла со свечи нагар. Тогда, чтобы сказать что-нибудь, я прибавил:

– Он был очень стар.

Его пятидесятилетнюю внучку ответила:

– О, его время прошло, ему здесь больше нечего было делать!

Мне захотелось взглянуть на труп столетнего старика, и я попросил, чтобы мне его показали.

Крестьяне, до той минуты спокойные, неожиданно взволновались. Они вопросительно и обеспокоенно взглянули друг на друга и ничего не ответили.

Мой родственник, видя их смущение, настаивал.

Тогда муж спросил подозрительно и угрюмо:

– А на что вам это?

– Ни на что, – ответил Жюль. – Но ведь так всегда делается; почему вы не хотите показать его нам?

Крестьянин пожал плечами:

– Да я не отказываю, только в такое время это неудобно.

Множество догадок мелькнуло у каждого из нас. И так как внуки покойника по-прежнему не двигались и продолжали сидеть друг против друга, опустив глаза, с теми деревянными недовольными лицами, которые словно говорят: «Проваливайте-ка вы отсюда», – Жюль сказал решительно:

– Ну, ну, Антим, вставайте и проводите нас в комнату старика.

Но крестьянин, хотя и покоряясь, хмуро ответил:

– Не стоит беспокоиться, его там уже нет, сударь.

– Где же он в таком случае?

Жена перебила мужа:

– Я вам скажу. Мы положили его до завтра в хлебный ларь; больше нам некуда было его деть.

Сняв тарелку с колбасой, она подняла крышку со стола, нагнулась со свечей, чтобы осветить внутренность огромного

ящика, и в глубине его мы увидели что-то серое, какой-то длинный сверток, из одного конца которого высовывалось худое лицо с включенными седыми волосами, а из другого – две босые ноги.

То был старик, весь высохший, с закрытыми глазами, закутанный в свой пастушеский плащ и спавший последним сном среди старых черных корок хлеба, таких же столетних, как и он сам.

Его внуки разговлялись над ним!

Жюль, возмущенный, дрожа от гнева, закричал:

– Да почему же вы не оставили его на его кровати, мужичье вы эдакое?

Тогда женщина расплакалась и быстро заговорила:

– Я все вам скажу, сударь; у нас только одна кровать в доме. Раньше мы спали на ней вместе, с ним: ведь нас было всего трое. Когда он заболел, мы стали спать на земле, а в такие холода, как сейчас, это тяжело. Ну, а когда он помер, мы так и сказали себе: раз он теперь больше не страдает, зачем оставлять его в постели? Мы отлично можем убрать его до завтра в ларь, а сами ляжем на кровать, потому что ночь будет холодная! Не можем же мы спать с покойником, господа!..

Мой кузен, вне себя от негодования, быстро вышел, хлопнув дверью, а я последовал за ним, смеясь до упаду.

* * *

По новейшим данным, напечатано в «Жиль Блас» 5 января 1882 года; под псевдонимом или нет, библиографы не указывают.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской. НекауаӀар